

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО – ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

ПРАВО НА ЖИЗНЬ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ (РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)

THE RIGHT FOR LIFE AND ITS REALIZATION IN THE CRIMINAL LAW (RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE)

Огородникова Н. В.

кандидат юридических наук, доцент,

профессор кафедры уголовного права и криминологии

Кубанского государственного университета

Ogorodnikova N. V.,

PhD in Law, Professor,

Criminal Law and Criminology Department,

Kuban State University

Ключевые слова: объект уголовно-правовой охраны, жизнь, начальный момент жизни, искусственное прерывание беременности (аборт), плод, неродившийся ребенок.

Аннотация: В статье анализируется отношение российского уголовного законодательства к обеспечению охраны жизни, определению её начального момента, обуславливающего непризнание плода, развивающегося в процессе беременности в организме матери, объектом уголовно-правовой охраны; приводится компаративистский анализ, включающий ретроспективный обзор отечественного законодательства и позиция современных зарубежных законодателей по защите неродившихся детей.

Keywords: object of criminal protection, life, initial moment of life, abortion (abortion), fruit, not been born child.

The summary: In article the relation of the Russian criminal legislation to ensuring protection of life, definition of its initial moment causing non-recognition of the fruit developing in the course of pregnancy in mother's organism, object of criminal protection is analyzed; the komparativistsky analysis, the including retrospective review of the domestic legislation and a position of modern foreign legislators on protection of not been born children is provided.

Конституционная оценка правоохраняемых интересов служит неизменным ориентиром для структуризации и содержательного наполнения всех отраслей законодательства. В соответствии с первыми Конституциями РСФСР и СССР таковыми интересами признавались потребности рабоче-крестьянской, позже – советской власти. На протяжении десятилетий государственные и общественные интересы превалировали над личностными (индивидуальными). Конституция РФ 1993 г.

сменила приоритеты, провозгласив человека, его права и свободы высшей ценностью, а соблюдение и защиту их – обязанностью государства. Соответственно, основываясь на её положениях, а также общепризнанных принципах и нормах международного права, уголовный закон охрану прав и свобод человека и гражданина называет одной из важнейших задач и ставит её на первое место (ст. 2 УК РФ 1996 г.). Среди индивидуальных благ личности важнейшим является жизнь. Статья 20 Кон-

ституции РФ провозглашает, что «каждый имеет право на жизнь». Статусность этого охраняемого объекта подтверждается последовательностью изложения нормативного материала. Используя в качестве системообразующего элемента Особенной части такие свойства объекта как его ценность и значимость, законодатель ранжирует группы преступных деяний. Именно поэтому Особенная часть УК РФ открывается разделом VII «Преступления против личности»; данный раздел – главой 16 «Преступления против жизни и здоровья»; названная глава – нормами о посягательствах на жизнь.

В контексте сказанного представляет интерес определение начального момента жизни, с которого она попадает под защиту уголовного закона.

Будучи физиологическим процессом, жизнь имеет начальный и конечный моменты, четкое определение которых имеет важное, а в отдельных случаях основополагающее значение и от которых зависит квалификация причинения смерти другому человеку. Определение окончания жизни сложностей не возникает, хотя сам процесс умирания не одномоментен и включает несколько стадий, завершающимися из которых являются клиническая и биологическая смерть. Констатация последней и признается конечным моментом жизни. Относительно начального её момента отсутствует единое понимание по данному вопросу (среди медиков, теологов, философов, правоведов), в том числе и в уголовно-правовой доктрине. Особую актуальность приобрел этот вопрос в связи с трансформацией детоубийства из разряда простого в привилегированный вид убийства, о чем свидетельствовали десятки научных публикаций в первые годы действия УК РФ 1996 г.¹. Доминирующим признается мнение, что начальным моментом жизни считается начало физиологических родов, позволяющее установить грань между состоянием «плод» и «ребенок», т.е. суть человек (хотя и само понятие «начало физиологических родов» требует конкретизации). К такому выводу приводит сопоставление текста закона об убийстве матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ) и о незаконном проведении искусственного прерывания беременности (ст. 123 УК РФ).

Деяние, предусмотренное ст. 123 УК РФ, относится к преступлениям против здоровья; соответственно объектом признается не человеческий эмбрион, будущий человек, а здоровье (в особо квалифицированном составе – жизнь) женщины, насильственно изгоняющей

плод из своего организма. По российскому уголовному законодательству плод не является объектом уголовно-правовой охраны. Хотя современная наука утверждает, что на 14-ый день после зачатия эмбрион уже является человеком, а при сроке беременности в 18 недель ребенок полностью сформирован. Более того, не единичны случаи, когда детей оперируют и спасают еще в организме матери. Однако и в медицинской науке нет четкости в определении момента возникновения жизни и права на жизнь. В настоящее время 22-хнедельный срок беременности признается критерием, разграничивающим искусственное прерывание беременности (аборт) и преждевременные роды.

Поэтому вопрос о разграничении детоубийства и истребления (умерщвления) плода не теряет актуальности. Светские законы всё ближе смыкаются с религиозными мировоззрениями по этому поводу. Практически все мировые религии, в том числе православное христианство, считающие, что жизнь начинается до рождения, признают убийством посягательство на плод во чреве матери независимо от срока беременности. Позиция религии по этому вопросу статична, позиция же общества и государства динамична, что прослеживается даже на примере российского уголовного закона. Проблема усугубляется тем, что российский законодатель закрепил приоритет прав каждой отдельной личности как неотъемлемой составляющей части общего блага, но не внес ясности в установление границ врачебной ответственности. Обращение к предшествующему законодательному материалу показывает отношение государства к искусственному прерыванию беременности (аборту), а также коррекции такого отношения. Так, статья 140-б УК РСФСР 1926 г. устанавливала уголовную ответственность беременных женщин за производство незаконного аборта, тогда как позже уголовному преследованию за эти же действия стали подвергаться лица, производящие изгнание плода, а здоровье женщины, её безопасность были поставлены под уголовно-правовую охрану. По УК РСФСР 1960 г. наказывалось незаконное производство аборта врачом (ч. 1 ст. 116 УК) или лицом, не имеющим высшего медицинского образования (ч. 2 ст. 116 УК). Действующий закон за искусственное прерывание беременности предусматривает уголовную ответственность для лиц, не имеющих высшего медицинского образования соответствующего профиля (ст. 123 УК). На примере исторического материала можно проиллюстрировать диаметрально противоположное отношение государства к про-

блеме аборта в различные периоды: от полного запрета – до абсолютно полного предоставления женщине права самой решать эту проблему.

Помимо экскурса в историю развития государственного регулирования аборта в России полезно обратиться к опыту зарубежного законодателя, чья позиция по рассматриваемому вопросу не отличается единообразием. Отечественный законодатель не включил общественные отношения, обеспечивающие нормальные и безопасные условия развития плода, в число охраняемых объектов, тогда как изучение зарубежного законодательства позволяет констатировать, что российская правовая наука недооценила значимость нормативно-правового регулирования этой сферы. В отличие от России в других странах детально регламентируется уголовная ответственность за действия, связанные с прерыванием беременности. В ряде стран вопросам легитимности прерывания беременности посвящено несколько статей. Отношение зарубежного законодателя к этому деянию зачастую можно определить непосредственно из названия разделов или статей.

УК Испании статьи 157 и 158 объединил в специальный раздел IV «Повреждение плода»². Название раздела позволяет достаточно четко определить объект уголовно-правовой охраны – нормальное развитие плода, но не здоровье женщины, вынашивающей его. Более того, по смыслу закона, в случае умышленного деяния (ст. 157 УК) она сама может быть привлечена к уголовной ответственности. Такой вывод следует из оговорки, содержащейся в ст. 158 УК, что беременная женщина, совершившая деяние вследствие грубой неосторожности, не наказывается. В названных статьях ответственности подвергается тот, кто каким-либо способом причиняет плоду повреждения или травму, нанеся серьезный вред нормальному развитию плода или вызвавшей у него серьезный физический или психический недостаток.

Французский законодатель также обеспечен нормальными и безопасными условиями развития плода, посвятив незаконному прерыванию беременности три статьи отдела 5 УК Франции³. В число субъектов преступного деяния включена и «женщина, которая осуществляет прерывание беременности у себя самой» (ст. 223-12 УК) с оговоркой, что, учитывая бедственные обстоятельства или личность виновной, суд может принять решение о неприменении наказаний.

Польский законодатель в ч. 1 ст. 157а Уголовный кодекс⁴ установил ответственность для того, кто причинил плоду телесное повреждение или расстройство здоровья, угрожающее его жизни. В частях второй и третьей предусмотрено исключение уголовной ответственности для двух видов субъектов этого преступления: для врача и самой беременной женщины, но для врача оно ненаказуемым может быть лишь в результате врачебных действий, необходимых для устранения опасности, грозящей здоровью или жизни беременной женщины или плода.

УК Швейцарии в первый раздел «Преступные деяния против жизни и здоровья» включает четыре подраздела в такой последовательности: Первый и второй подразделы именуются «Убийство» и «Прерывание беременности». Третий и четвертый посвящены соответственно телесному повреждению и угрозе жизни и здоровью⁵. Такое расположение уголовно-правовых норм также достаточно красноречиво свидетельствует о позиции швейцарского законодателя по отношению к насильственному изгнанию плода из организма его матери. В четырех статьях второго подраздела отдельно предусматривается ответственность беременной женщины, либо самой прерывающей беременность, либо допускающей это (ст. 118 УК). Разная степень ответственности устанавливается для того, кто прерывает беременность с согласия этой женщины или оказывает ей помощь в этом (ч. 1 ст. 119 УК), кто совершает рассматриваемое деяние без согласия этой женщины (ч. 2 ст. 119 УК) и кто занимается прерыванием беременности в виде промысла (ч. 3 ст. 119 УК). В ст. 120 УК детально регламентируются порядок и условия, при которых прерывание беременности ненаказуемо. Это достаточно жесткая процедура, и за несоблюдение установленного порядка, в частности, за неуведомление о прерывании беременности в ст. 121 УК предусмотрена уголовная ответственность.

УК Японии в часть вторую «Преступления» включает главу 29 «Преступления, состоящие в совершении аборта»⁶. Указанная глава состоит из пяти статей (ст. 212-216), предусматривающих уголовную ответственность за производство аборта путем применения медикаментов или другим способом, для любых лиц, включая и саму беременную, хотя в последнем случае установлены наименее строгие санкции (ст. 212 УК). Именно этот фактор и позволяет предположить, что таким образом уголовный закон охраняет плод от насиль-

ственного посягательства на него со стороны кого бы то ни было, в том числе и самой матери. Но это только на первый взгляд, поскольку анализ других норм (ст. 213-216 УК) не подтверждает такого предположения, скорее наоборот, опровергает. Наказуемым признается производство аборта независимо от того, с согласия беременной он производится или без такового, общим субъектом или специальным (врачом, акушеркой, фармацевтом или торговцем медикаментами), но уровень пенализации существенно повышается для обеих категорий субъектов, если результатом этого было причинение смерти или телесного повреждения беременной женщине. С учетом характера тяжких последствий напрашивается вывод, что объектом анализируемой группы преступлений является, как и в российском законе, здоровье, жизнь, безопасность не плода, а вынашивающей его матери⁷.

Анализ УК Германии демонстрирует равнодушие законодателя к рассматриваемой проблеме. Во-первых, преступления, связанные с прерыванием беременности, включены в раздел шестнадцатый «Наказуемые деяния против жизни», что безошибочно позволяет определить, какую группу общественных отношений закон ставит под свою охрану. Во-вторых, из четырнадцати параграфов, образующих названный раздел, семь посвящены регламентации вопросов, связанных с производством аборта⁸. В-третьих, при их описании законодатель пользуется такими терминами как «неродившийся ребенок». В § 219 «Консультация беременных женщин в бедственной и конфликтной ситуации» записано, что «Консультация служит защите неродившейся жизни». Данное концептуальное положение в этой же норме раскрывается в следующей фразе: «При этом женщина должна осознать, что неродившийся ребенок в любой период беременности наряду с ней имеет право на жизнь и что поэтому, согласно правопорядку, прерывание беременности может допускаться только в тех исключительных случаях, когда вынашивание ребенка становится для женщины такой тяжелой и чрезмерной нагрузкой, что она выходит за допустимые рамки». Защите неродившейся жизни служит криминализация и таких (помимо прерывания беременности) деяний как агитация за прерывание беременности (§ 219a УК) и сбыт средств для прерывания беременности (§ 219b УК). Более того, четкая позиция немецкого правосознания по вопросам допустимости производства аборт просматривается в исключении после 1996 г. из уголовного закона Германии § 217 «Детоубийство», что

можно считать очередным шагом к признанию периода внутриутробного развития плода началом жизни человека.

Болгарский законодатель свое негативное отношение к прерыванию беременности выражает не только в криминализации ряда деяний, связанных с этим процессом, и строгости наказаний за них, но и в терминологии: речь в ст. 126 УК Болгарии идет исключительно об умерщвлении плода⁹.

В ряде штатов США одним из видов умышленного убийства признается умерщвление неродившегося ребенка¹⁰. Уместно вновь отметить, что в УК Испании, Польши, Франции, Швейцарии и многих других государств¹¹, хотя и употребляющих вместо термина «неродившийся ребенок» термин «плод», также заметна обеспокоенность законодателя именно о безопасности последнего.

В настоящее время, как известно, с точки зрения отношения законодателя к абортам выделяют четыре варианта нормативно-правового регулирования этого вопроса. Первый – самый толерантный – допущение аборта по желанию женщины (УК РФ и ряда других стран ближнего зарубежья). Второй вариант – менее либеральный – прерывание беременности разрешено по медицинским и социальным показаниям (УК Венгрии, Исландии, Кипра, Люксембурга, Финляндии). Третий вариант – весьма умеренный – разрешение на аборт возможно лишь при наличии строго названных в законе обстоятельств (УК Испании, Португалии, Польши, ФРГ, Швейцарии). Наконец, четвертый вариант – дозволение на прерывание беременности лишь в исключительных случаях, в ситуации крайней необходимости для спасения жизни женщины (в частности, уголовное законодательство Северной Ирландии).

На наш взгляд, требуется пересмотр существующего отношения в российском обществе к аборт, к праву женщины на свободу репродуктивного выбора, прежде всего в формате научного обсуждения. Следует солидаризироваться с авторами, полагающими, что данное право дискретно и напрямую зависит от срока внутриутробного развития плода¹². В течение беременности постепенно происходит трансформация прав: право матери репродуктивного выбора в первые 12 недель постепенно вытесняется правом её будущего ребенка на жизнь. После истечения указанного периода беременности предпочтение уже должно отдаваться потенциальному праву на жизнь внутриутробно развивающегося плода, когда одно-

го желания и воли женщины на прерывание беременности должно быть недостаточно, требовались бы социальные показания. Наконец, 22-ую неделю, по мнению исследователей, можно признать «гранью» между правом женщины на искусственное прерывание беременности и правом будущего ребенка на жизнь. Признание такой позиции обосновывает вывод о начале уголовно-правовой охраны жизни. Коль скоро срок беременности в 22 недели позиционируют как этап, когда существует реальная возможность роста и развития плода вне материнского организма, то с этого момента и следует вести отсчет жизни, а государство должно по «праву земли» становиться на защиту интересов и прав плода. С точки зрения уголовного закона такая защита должна выразиться в признании посягательства на плод с указанного срока беременности уже не личным делом беременной женщины, а убийством.

Медицинские критерии позволяют ученым-юристам выносить обоснованные предложения о пересмотре традиционных подходов к понятию начала жизни, а соответственно к разграничению детоубийства и истребления (умерщвления) плода.

Безусловно, наше предложение рассчитано на перспективу, оно не может быть принято и реализовано буквально сегодня. Кардинальное изменение в подходе к определению начального момента жизни и, соответственно, начальному моменту её уголовно-правовой охраны должно корреспондироваться с продуманной государственной политикой¹³, защищающей беременных женщин и будущее потомство не на словах, а на деле – конкретными мерами социально-экономического, идеологического, культурно-воспитательного и иного характера.

правовой охраны жизни человека // Уголовное право. 1999. № 4. С. 31-33; Он же. Начало уголовно-правовой охраны жизни человека: опыт юридического анализа // Уголовное право. 2005. № 1. С. 75-77 и др.

² Уголовный кодекс Испании / Под ред. и с предисл. Н.Ф. Кузнецовой и Ф.М. Решетникова. М., 1998.

³ Уголовный кодекс Франции. СПб., 2001.

⁴ Уголовный кодекс Республики Польша / Науч. ред. А. И. Лукашова, Н. Ф. Кузнецова; перевод с польского Д. А. Барилевич. СПб., 2001.

⁵ Уголовный кодекс Швейцарии / Пер. с нем. М., 2000.

⁶ Уголовный кодекс Японии / Науч. ред. и предисл. А. И. Коробеева. СПб., 2002.

⁷ Хотя при такой ориентации законодателя достаточно нелогично наказывать беременную за производство аборта себе самой при отсутствии аналогичной ответственности за причинение себе телесного повреждения или за покушение на самоубийство.

⁸ Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / Науч. ред. и вступ. ст. Д.А. Шестакова. Пер. с нем. Н. С. Рачковой. СПб., 2003.

⁹ Уголовный кодекс Республики Болгария / Науч. ред. А. И. Лукашова. Перевод с болг. Д. В. Милушева, А. И. Лукашова. СПб., 2001.

¹⁰ См., например, ст. 5/9 - 2.1 УК штата Иллинойс, ст. 2503 штата Пенсильвании.

¹¹ К числу «и других» не приходится относить УК Японии, анализ ст. 213-216 которого позволяет определить, что объектом анализируемой группы преступлений является, как и в российском законе, здоровье, жизнь, безопасность не плода, а вынашивающей его матери (см.: Уголовный кодекс Японии / Науч. ред. и предисл. А. И. Коробеева. – СПб., 2002.)

¹² Радченко М. В. Ненадлежащее врачевание в репродуктивной сфере: уголовно-правовой аспект. Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 12, 84 и др.; Попов А. Н. О начале уголовно-правовой охраны жизни в новом тысячелетии / Уголовное право в XXI веке: Матер. М-унар. научной конф. на юрид. факультете МГУ им. М. В. Ломоносова 31 мая - 1 июня 2001 г. – М.: «ЛексЭст», 2002. С. 200-203.

¹³ Разумеется, вне поля зрения не должны остаться и такие деликатные вопросы как предупреждение нежелательных беременностей, особенно у молодых женщин и девочек.

¹ См., например: Бояров С. Проблемы определения начала жизни человека в уголовном праве // Уголовное право. 2004. № 4. С. 13-14; Он же. Проблемы определения начала жизни человека в уголовном праве // Рос. юстиция. 2005. № 3. С. 58-59; Волкова Т. Правовая защита права на жизнь новорожденного // Законность. 2004. № 4. С. 6-10; Лысак Н. В. Проблемы определения начального момента охраны жизни человека в уголовном праве // Рос. следователь. 2002. № 2. С. 38-42.; Романовский Г. Б. Человеческий эмбрион: субъект или предмет правоотношений? // Юрист. 2001. № 11. С. 48-51; Шарапов Р.К. вопросу о начале уголовно-

Список цитируемой литературы:

1. Бояров С. Проблемы определения начала жизни человека в уголовном праве // Уголовное право. 2004. № 4. С. 13-14
2. Волкова Т. Правовая защита права на жизнь новорожденного // Законность. 2004. № 4. С. 6-10
3. Лысак Н. В. Проблемы определения начального момента охраны жизни человека в уголовном праве // Рос. следователь. 2002. № 2. С. 38-42
4. Романовский Г. Б. Человеческий эмбрион: субъект или предмет правоотношений? // Юрист. 2001. № 11. С. 48-51
5. Шарапов Р. К. вопросу о начале уголовно-правовой охраны жизни человека // Уголовное право. 1999. № 4. С. 31-33

The list of the quoted literature:

1. Boyarov S. Problems of definition of the beginning of human life in criminal law//Criminal law. 2004. No. 4. Page 13-14
2. Volkova T. Legal protection of the right for the newborn's life//Legality. 2004. No. 4. Page 6-10
3. Lysak N. V. Problems of definition of the initial moment of protection of human life//Grew in criminal law. investigator. 2002. No. 2. Page 38-42
4. Raman G. B. Human embryo: subject or subject of legal relationship?//Lawyer. 2001. No. 11. Page 48-51
5. Sharapov R. To a question of the beginning of criminal protection of human life//Criminal law. 1999. No. 4. Page 31-33

**СОЦИАЛЬНАЯ ПРОФИЛАКТИКА ПРАВОНАРУШЕНИЙ:
СООТНОШЕНИЕ ФОРМАЛЬНОГО И НЕФОРМАЛЬНОГО
GENERAL CRIME PREVENTION: CORRELATION BETWEEN
FORMAL AND INFORMAL**

Петровский А.В.

доцент кафедры уголовного права и криминологии,

Кандидат юридических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Petrovskiy A. V.

Assistant professor at the Department of Criminal Law and Criminology,

Candidate of Juridical Science, Assistant professor,

Federal HPE «Kuban State University»

Ключевые слова: социальная профилактика, криминологические нормы, формальный и неформальный контроль, теория криминологии.

Аннотация: Социальная профилактика является основным направлением устранения и нейтрализации криминогенных детерминантов общества. Однако, существующая сложность и затратность реализации многих социальных превентивных программ, превращает данное направление в фикцию, существующую в теории, но сложно реализуемую на практике. В настоящей статье автор рассуждает о криминологических практиках социальной профилактики и предлагает решение проблемы посредством сочетания формальных и неформальных институтов предупреждения преступлений на основе ряда зарубежных криминологических теорий.

Keywords: General Crime Prevention, Criminological Standards, Formal and Informal Control, Criminological Theory.

The summary: Social prevention is the main direction of eliminating and neutralizing the criminal determinants of society. However, the existing complexity and cost of implementing many social preventive programs turns this direction into a fiction that exists in theory, but is difficult to implement in practice. In this article, the author discusses the criminological practices of social prevention and proposes a solution to